

Жукова Александра Андреевна

ЛИРИЧЕСКИЕ ГЕРОИ А. А. БЛОКА И Н. С. ГУМИЛЁВА КАК РАЗНОНАПРАВЛЕННЫЕ ВЕКТОРЫ

В статье сопоставляются образы героев лирики А. А. Блока и Н. С. Гумилёва, а также концепции искусства, разработанные в рамках школ символизма и акмеизма. Автор статьи приходит к выводу, что на примере позднего творчества А. А. Блока и Н. С. Гумилёва возможно проследить эволюцию идеи богоискательства, которой были заинтересованы авторы рубежа веков. Установлено, что для лирического героя А. А. Блока свойственны надежды на преобразование человечества через привнесение в жизнь духовности, тогда как лирическое "я" Н. С. Гумилёва начинает творить жизнь заново.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 23-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Дайгаа дарабаб,
Даагаа нуулдэбэ.

Врага своего победил,
Лончака своего за хвост поймал [3, с. 373].

Вариант:

Дарашагуй дэйешни дараба
Дабашагуй даагайшни нуулдэбэ.

Непобедимого врага твоего победил,
Неодолимого лончака твоего за хвост поймал [Там же].

Данная паремия служит в структуре сказки образным средством характеристики главного персонажа сказки – сына медведя.

Таким образом, исследование пословиц, поговорок в бурятских народных сказках показывает, что паремии не только являются поэтическим средством, но и выполняют также определенные функции: 1) являются структурным элементом повествования – завязкой сюжета; 2) служат средством образной характеристики сказочных персонажей; 3) употребляются в качестве наказа, совета; 4) входят в состав диалога действующих персонажей сказки; 5) обобщают содержание сказки, служат ее концовкой; 6) выполняют эмоционально-экспрессивную функцию: выражают различные чувства персонажей, их душевное состояние.

Список литературы

1. **Бурятские волшебные сказки.** Новосибирск: Изд-во «Наука», 1993. 285 с.
2. **Бурятские народные сказки. Бытовые** / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1981. 445 с.
3. **Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические** / сост. Е. В. Баранникова и др. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. 444 с.
4. **Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические и о животных** / сост. Е. В. Баранникова и др. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. 443 с.

PROVERBS AND SAYINGS IN THE BURYAT FOLK TALES

Gympilova Sesegma Dmitrievna, Ph. D. in Philology

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
gymps@rambler.ru*

The article considers the proverbs and sayings in the Buryat folk tales. The peculiarities of the poetics of a fairytale genre, and the functions of the Buryat proverbs in the structure of fairytale texts are determined. The proverbs and sayings in the folklore works are not only poetic design of the speech of fairytale characters, but also serve as a means of their image characteristics.

Key words and phrases: oral poetic creative work; Buryat folk tales; proverbs; sayings; functional peculiarities of proverbs.

УДК 8; 821.161.1

В статье сопоставляются образы героев лирики А. А. Блока и Н. С. Гумилёва, а также концепции искусства, разработанные в рамках школ символизма и акмеизма. Автор статьи приходит к выводу, что на примере позднего творчества А. А. Блока и Н. С. Гумилёва возможно проследить эволюцию идеи богоискательства, которой были заинтересованы авторы рубежа веков. Установлено, что для лирического героя А. А. Блока свойственны надежды на преображение человечества через привнесение в жизнь духовности, тогда как лирическое «я» Н. С. Гумилёва начинает творить жизнь заново.

Ключевые слова и фразы: лирика; Н. С. Гумилёв; А. А. Блок; акмеизм; символизм; богоискательство; философия; модернизм.

Жукова Александра Андреевна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
alix_zhukova@mail.ru*

ЛИРИЧЕСКИЕ ГЕРОИ А. А. БЛОКА И Н. С. ГУМИЛЁВА КАК РАЗНОНАПРАВЛЕННЫЕ ВЕКТОРЫ

Период рубежа веков, художественной революции эпохи модерна характеризуется не только сменой парадигм в литературном процессе и эстетической системе, но и в сфере философии, а также религии. Традиционно в философии выделяют три способа познания действительности: наука, религия, искусство. К периоду рубежа веков философия позитивизма, в основе которой наука и прогресс – всепобеждающие силы, потерпела поражение, религия как институт потеряла идеологическую роль на поприще нравственного воспитания современников, а догмы подвергались серьезным сомнениям уже в 70-е гг. XIX века (романы

Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1875-1877), «Воскресенье» (1889-1899)). Деятели искусства эпохи модернизма попытались не только познать действительность через искусство, но и преобразовать ее. Школа символистов, отрешившаяся от философии позитивизма, процветавшей в XIX веке, стала первой своеобразной организацией, принявшей на себя ответственность за кризис рубежа веков. О духовной, философской революции, как ни парадоксально, заявили не основатели школы, но ее младшие последователи, среди которых были А. Блок, А. Белый, С. Соловьев. К началу XX века Д. С. Мережковский в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) обозначил кризисные, проблемные аспекты в развитии литературного процесса. В данном исследовании автор создал основу для развития философской концепции символизма, включающей в себя теорию теургии, историософии, а также религиозный компонент, основанный на идеях Вл. Соловьева о Третьем Завете. К 1910-м гг. XX века символисты потерпели поражение в борьбе за первенство в литературном процессе, а пришедшие им на смену акмеисты (Н. С. Гумилёв, С. М. Городецкий) напрямую заявили о своем принципиальном несогласии с философией предшественников. Неудивительно, что новая школа начала свое существование с отрицания постулатов, сформулированных символистами. Однако творчество Н. С. Гумилёва является доказательством более сложной связи символизма и акмеизма, нежели обоюдное взаимоотрицание школами друг друга.

Несмотря на хронологическое несовпадение лирических произведений А. А. Блока и Н. С. Гумилёва, стихотворения «Там дамы щеголяют модами...» [3, с. 126] и «Шестое чувство» [6, с. 126] нуждаются в сопоставлении и подробном анализе. В данном случае не приходится говорить о полном совпадении как на уровне проблематики, так и в области поэтики, однако именно в этих произведениях содержится важнейший элемент, который одновременно позволяет и сопоставить некоторые аспекты в лирике поэтов, и в то же время демонстрирует различие в становлении и эволюции мировоззрения авторов: «Средь этой пошлости таинственной / Скажи, что делать мне с тобой – / Недостижимой и единственной, / Как вечер дымно-голубой?» (А. А. Блок) [3, с. 126] // «Но что нам делать с розовой зарей / Над холодеющими небесами, / Где тишина и неземной покой, / Что делать нам с бессмертными стихами?» (Н. С. Гумилёв) [6, с. 126].

Первое четверостишие традиционно раскрывает проблему творчества, волнующую символистов, в частности А. А. Блока. Его лирический герой, увидев однажды в её образе inferнальные черты, не может в дальнейшем принять повседневность, доступную каждому человеку. Перед читателем возникает, в сущности, новый вариант известного девиза поэтов пассивного романтизма – «жизнь и поэзия – одно». Этот постулат, выраженный В. А. Жуковским, как известно, сформировал мировоззрение младших символистов, особенно А. А. Блока.

В творчестве А. А. Блока проблема преображения действительности возникала достаточно часто. Преодолев «мгновение слишком яркого света» в цикле «Стихи о Прекрасной Даме», лирический герой А. А. Блока постоянно сталкивается с маскарадом жизни, в котором образы и явления действительности открывают поэту свою истинную, метафизическую сущность. Однако через мгновение перед глазами героя снова возникают маски повседневности, «красно-голубые пятна. Блестки солнца. Струйки. Брызги. Весна» [3, с. 102]. Наиболее прочно этот прием вошел в употребление А. А. Блоком в цикле «Город». Хронотоп Петербурга, его история в литературном процессе оказали благотворное влияние на развитие так называемого маскарада в лирике поэта. Значимыми в данном аспекте оказываются стихотворения «Обман», «Последний день», «Там дамы щеголяют модами...» и, в некотором смысле, «Незнакомка». Последнее стихотворение не содержит в себе элемента разоблачения, неотъемлемой части темы маскарада, но в то же время читатель становится очевидцем того же самого преображения, превращения. В «Незнакомке» окружающий героя мир, как ни странно, не изменяется. Только сам персонаж и Незнакомка оказываются inferнальными абстракциями, заключенными в образы захмелевшего завсегдатая кабака и падшей женщины, что подтверждают последние строки, в которых отчетливо звучит авторская самоирония: «В моей душе лежит сокровище, / И ключ поручен только мне! / Ты право, пьяное чудовище! / Я знаю: истина в вине!» [Там же, с. 123]. Ко второму тому лирики для героя А. А. Блока окружающая действительность остается неизведанной областью бытия, в то время как герой Н. С. Гумилёва не может постичь проблему небесной составляющей на земле – явление стихов.

В стихотворении Н. С. Гумилёва «Шестое чувство» лирическое «я» как будто снова возобновляет спор, который ранее вели между собой пушкинская и гоголевская школы. Искусство ради искусства или ради общественного блага, искусство, направленное на искоренение злободневных проблем, – главные тезисы в споре между двумя культурными объединениями. Лирический герой Н. С. Гумилёва последовательно рассуждает об объектах действительности и их назначении в жизни человека (вино, хлеб, женщина). Однако классификация, предложенная персонажем, не вмещает в себя такое явление, как поэзия.

В дальнейшем лирический герой В. В. Маяковского в стихотворении «Юбилейное» обратит внимание на существование чистой лирики, неподвластной социальному служению или соцзаказу: «Нами / лирика / в штывки / неоднократно атакована. // Ищем речи / точной / и нагой! / Но поэзия – / пресволочнейшая штукавина: / существует – / и ни в зуб ногой» [8, с. 105].

Персонаж Н. С. Гумилёва сопоставляет свои душевные терзания с переживаниями существ, готовящихся к смене собственного облика. Проблема так называемой реинкарнации возникает в первом стихотворении сборника «Огненный столп», что и является аллегорией преображения мировоззрения лирического героя Н. С. Гумилёва: «Мы, увь, со змеями не схожи, / Мы меняем души, не тела» [6, с. 35]. В стихотворении «Шестое чувство» лирическое «я», безусловно, имеет в виду «окрыление» души, необходимую эволюцию, происходящую с ним: «Как некогда в разросшихся хвостах / Ревела от сознания бессилья / Тварь скользящая, почуя на плечах / Еще не появившиеся крылья...» [Там же, с. 46]. Продолжая оставаться за гранью непостижимого,

неподвластного сознанию человека, лирический герой Н. С. Гумилёва уподобляется персонажам не только А. А. Блока, но и Ю. К. Балтрушайтиса: «Что скорбно мы, в своей тоске бессменной, / Стоим века у двери роковой» [1, с. 30]. В то же время нельзя не отметить, что в лирическом «я» Н. С. Гумилёва отсутствует трагический надлом, который включает в себя смиренное принятие участи и земной юдоли, свое предназначение для страданий, присущее символистам: «Но служит тайне боль людская / И путь тревоги – Божий путь...» [Там же, с. 221].

Удивительно, что такие эпитеты, как «неземной», «бессмертные», «холодеющие», появляются не в поэтике символизма, а в поэтическом пространстве акмеиста Н. С. Гумилёва, который дебютировал в литературе как последователь реализма. Стихотворение «Шестое чувство» сопоставимо также с произведением А. А. Блока из цикла «Стихи о Прекрасной Даме» – «Всё бытие и сущее согласно...» [2, с. 56]. Лирический герой А. А. Блока не мучается провидческим желанием «отлететь в иную пустоту», так как, ощущая в себе вселенское пространство, он видит себя не только сопричастником всего происходящего на земле, но и в бытийном пространстве в целом. Персонаж Н. С. Гумилёва еще не «перешёл заветную черту» [Там же], поэтому в последнем четверостишии появляется риторическое восклицание, возможно, ранее неизвестное для героя-конквистадора: «...Скоро ли, Господь?» [6, с. 46]. Ожидание внутреннего перерождения оказывается для лирического «я» столь же волнующим, сколько существование поэзии.

Таким образом, творчество символистов и творчество акмеистов являются полюсами одной проблемы, волновавшей модернистов в начале XX века. На примере сопоставления поздней лирики А. А. Блока и Н. С. Гумилёва возможно проследить эволюцию идеи богоискательства, которой так или иначе были заинтересованы авторы рубежа веков. Если символисты пытались постичь Бога путём стяжания духовности в философии, то акмеисты предложили иной путь. Назвав себя «адамистами», *нео-богоискатели* познавали Бога через человеческую сущность, через скорби и утраты, понятные героям Ветхого Завета.

Лирические герои А. А. Блока и Н. С. Гумилёва оказываются по отношению друг другу разнонаправленными векторами, так как, стремясь разрешить проблему богоискательства, начинают выстраивать теорию с разных стартовых позиций. Для лирического «я» А. А. Блока свойственны чаяния преображения человечества через привнесение в жизнь духовности, а персонаж Н. С. Гумилёва начинает творить жизнь заново. В его поэтическом пространстве человечество не испытало очарования и разочарования в иллюзорном могуществе науки, поэтому мировая революция Духа, к проведению которой стремились символисты, оказалась в философии акмеизма ненужной формальностью, лишённой какого-либо смысла. Адамисты не призывали возвращаться к истокам, к той жизни, которая была до символизма, – это казалось невозможным. По мнению акмеистов, необходимо было преодолеть «лиловые туманы», творить жизнь заново, отринув заветы символизма, заключающиеся в «братании то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом» [4].

Творческое пространство Н. С. Гумилёва основывается на непогрешимости материализма, автор словно отвергает постулаты символистов только из-за их несостоятельности и невозможности отнести их к собственному мировоззрению. Символистские чаяния, касающиеся духовного преображения человечества, представляются Н. С. Гумилёву столь же неконструктивными, сколько концепция позитивизма – для символистов. Таким образом, с точки зрения литературного процесса, теории символистов и акмеистов оказываются антитетичными друг другу в отношении вопроса духовности, но в то же время обе концепции направлены на решение одной и той же задачи – обретения гармонии, то есть Бога.

Список литературы

1. Балтрушайтис Ю. К. Дерево в огне. Вильнюс, 1983. 318 с.
2. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти томах. М.: Наука, 1997. Т. 1. 638 с.
3. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти томах. М.: Наука, 1997. Т. 2. 568 с.
4. Городецкий С. М. Некоторые течения в современной русской поэзии [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/acmeism/5/> (дата обращения: 14.09.2016).
5. Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/clauses/2/> (дата обращения: 14.09.2016).
6. Гумилёв Н. С. Собрание сочинений: в 4-х томах. М.: Terra-Terra, 1991. Т. 2. 325 с.
7. Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4-х т. М. – Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. 480 с.
8. Маяковский В. В. Сочинения. М.: Книжная палата, 2001. 1008 с.

THE LYRIC HEROES OF A. A. BLOK AND N. S. GUMILEV AS MULTIDIRECTIONAL VECTORS

Zhukova Aleksandra Andreevna
Lomonosov Moscow State University
alix_zhukova@mail.ru

The article compares the heroes' images in lyrics of A. A. Blok and N. S. Gumilev, as well as the conceptions of art developed within the framework of the schools of symbolism and acmeism. The author concludes that by the example of late creative work of A. A. Blok and N. S. Gumilev it is possible to trace the evolution of God-seeking idea, which was interesting to the authors of the turn of the centuries. It is ascertained that the hope for the transfiguration of humanity through the introduction of spirituality into the life is peculiar to the lyric hero of A. A. Blok, while the lyric "I" of N. S. Gumilev begins to create the life all over again.

Key words and phrases: lyrics; N. S. Gumilev; A. A. Blok; acmeism; symbolism; God-seeking; philosophy; modernism.